

* * *

Я стоял в светящейся клетке и смотрел на Сергея. Моего земляка. В прошлом. Это он меня вырубил и вернул в свой домен. Причина банальна — забрать мой домен, что тот уже сделал, отвязав от меня. Более того, лишил меня седьмой оболочки души, я перестал быть магом, и на шестой слой, или оболочку ауры, кому как нравится, наложил блокиратор, чтобы я не возродился. Зачем? А чтобы не отомстил, он хорошо мой характер знал. Вот и описывал мне, почему и для чего, уж больно ему мой домен понравился.

Вернее, не так: он нашёл способ объединить свой домен с моим, и нужно провести эксперимент. Если бог решил — это закон, а я ему мешал: точно не дам согласия, владелец чужого домена. Вот и решил избавиться от меня. Я же не без интереса его слушал, осторожно переминаясь с ноги на ногу, два часа уже стою, а касаться прутьев нельзя, это жуть как больно.

— ...как ты понимаешь, оставлять тебя в живых я не буду. Уйдёшь на перерождение. Памяти лишишься, стандартная процедура. И мне спокойно: мстить некому будет. Я даже твою душу отправлю на Землю с моим любимым временем.

— Только не в этого шрамоголового неубиваемого мальчишку. Не хочу в Англию с обрезанными способностями в магии. У них не магия, а ритуалистика, да и та в основах. Не маги, а хрень. Если ты меня туда отправишь, я там всё разрушу.

— С чего ты решил, что я тебя в Горшкова отправлю? — удивился тот.

— Да ты этим фэндомом уже лет тридцать болеешь, куда ещё?

— Не-е, другая Земля... Что?

— Время говори, — прямо сказал я повелительным тоном. — Мне что, гадать? Ты фанатеешь по трём десяткам разных книг или событий.

— Плохо, когда бывшие друзья так хорошо тебя знают, — вздохнул Сергей с делано горестным видом. — Да и какая тебе разница, куда попадешь? Помнить-то всё равно не сможешь. Тем более не тебе меня укорять за мои увлечения. А сам? Отправил душу погибшего парня, как его там, Мартына, диванного вояку, в параллельный мир, на Русско-японскую. Хотя весело было наблюдать, здорово тот веселился. Удачный выбор. Мои в основном на ранних сроках мрут. Видения этому тугодуму отправлял, а тот совсем не искал способности, коими ты его наделил.

— А ты потом перехватил управление, — недовольно проворчал я. — На кой его с остальными телами было разлучать? К счастью, парень смог это пережить — смерть тел и перерождение. А закладки на разуме делать побольше детей? Зачем на великих княжон его настраивал? Хорошо, парень что-то понял и смог их скинуть.

— Ты заблокировал тот мир, — недовольно проворчал бог Сергей. — Теперь парень сам будет жить, у меня доступа к нему нет. Взломаю лет через пятьдесят, но интереса нет даже приступить к взлому. Ладно, пусть сам живет как хочет. Ты, идиот, блокировку не только на тот мир наложил, а случайно на десяток других. Вот в один из них и закину. А говорить куда, не буду, мучайся.

— Погоди... — только хотел я его остановить, как заорал от боли, и моё тело рассыпалось прахом.

Прутья клетки сдвинулись, сжимая меня, и вот результат: я ушёл на перерождение. Чёртов бог Сергей. Обещать не буду, но постараюсь вернуться и отомстить.

* * *

Очнулся я от бормотания, всё тело болело, но главное, мой разум и память на месте. Накось выкуси, Серёженька. Я тоже подстраховался, и на втором слое ауры у меня конструкты спрятаны, а работа этого слоя — сохранить мне память при перерождении. Жаль, из-за блокиратора штука одноразовой стала, замаскировал её под конструкт исцеления. Поэтому погибать до того, как стану магом и верну магические способности, точно не стоит.

А бормотание разобрал, кого-то искали, тут же и крик раздался:

— Товарищ старшина, товарищ лейтенант тут!

Боль была серьёзной, похоже, тело поломанное. И я уже понял, что происходит, когда мне освободили голову и, отряхивая от пыли лицо (слёзы от кирпичной пыли текли), сказали:

— Живой.

Похоже, прошлый носитель этого тела погиб под грудой кирпичей. Несколько было крупных, спаянных расствором. Ещё насторожило то, что грохотание шло, сотрясение стен и пола, и вроде стрельба из огнестрела, но далёкая. А может, я плохо слышу, шум в ушах. Да и вообще на грани сознания плаваю от боли и контузии.

Меня освободили, и когда я проморгался — слёзы помогли, мы были на свету, — понял, как попал. Форма на солдатах, хотя скорее красноармейцах, оказалась знакомой. Вторая Отечественная война. Ну точно, Сергей и на неё залипал. Третье место занимает в его интересах. Или пятое?

А так логично — магия была, космические миры у меня тоже, осталось попадание в мир с этой войной. Классика. Впрочем, я сам иногда отслеживал такие миры, запуская в них попаданцев. Вселял души в недавно погибших бойцов и командиров, с интересом наблюдая, что дальше будет, и помогая по желанию. Ну развлекаемся мы так. А то, что сам попаду на их место... это... это ещё тот долбаный сюрприз.

Главное, я в курсе истории и местных дел, что уже облегчает вживание. Язык знаю, реалии тоже более или менее. Одна проблема: я не знаю, в кого попал, и памяти прошлого хозяина тела у меня нет. Да и не может быть, тот ушёл на перерождение. Поэтому классика: буду имитировать амнезию. Хотя чего тут имитировать? Я и так не знаю, в кого попал.

Трое бойцов, кое-как одетых, один вообще в грязно-белом нательном белье, но в сапогах, вынесли меня. Ещё двое бойцов продолжали отбрасывать кирпичи, и, судя по окровавленной руке, торчащей из завала, там не меня одного засыпало. Был и седьмой боец. Старшина, вижу по «пиле» треугольников в петлицах гимнастёрки, он один по форме одет, даже пилотка на месте, только поверх гимнастёрки жилетка из овечьей шерсти накинута.

А так красные кирпичи, всё в пыли, здание сотрясается от взрывов, измождённый вид бойцов. Брестская крепость? Мне только эта драма в первые дни войны приходит на ум. Да и форма старая, до погон, видимо, ещё далеко. У двоих бойцов винтовки, обычные, Мосина, у моего отца такая была, охотился с ней. Остальные безоружны.

Меня вынесли и уложили. Нормально видел только левый глаз, второй чем-то замусорен, но пятно есть, значит, зрение не потерял. Под мои же стоны меня уложили на более или менее чистое место, и старшина, отослав бойцов дальше завал разбирать и откапывать своих, сам начал осмотр. Стал меня осматривать и ощупывать.

Сдержать новые стоны не удалось. Видно, я серьёзно травмирован. Кстати, я успел рассмотреть, что был в сапогах, и главное — синие галифе. Цвет почти потерялся, грязный, подсыхающее пятно от мочи в паху, рваная дыра у левого колена — оно, кстати, сильно болело, опухло, — но, похоже, я в теле командира. То есть я командир. Скорее всего, в звании лейтенанта, раз поминали его.

Стало ясно, что сильно травмировано левое колено, не гнётся. Поврежден левый локоть, и синяки по всему

телу. Рваная рана на голове, на темечке, потом ещё три на теле. Хорошо телу досталось, но ничего, исцелю. Знаю как, хотя и лишён магии. В принципе, жить можно, я даже сам ходить смогу. Медленно, но смогу. Костыль бы.

Старшина принёс чью-то исподнюю рубаху и, порвав её, начал мне накладывать лоскуты вместо бинтов. М-да, даже раны не промыл, воспалится же всё? Так и нечем. Даже мочи нет, чтобы обеззаразить, старшина сам это сказал. Значит, у меня куда меньше времени, чем я думал. О, кажется, обоняние заработало: чувствовался сладковатый запах разложения. Не первый день крепость в бою.

— Старшина... — Голос хриплым был, я закашлялся, пить хотелось, не язык, а пересохший стручок, но издавать вполне членораздельные звуки мог. — Старшина. В голове помутилось. Помню слабо. Какой сейчас день? Год?

— Двадцать третье июня, товарищ лейтенант, тысяча девятьсот сорок первого. Полдень уже.

— Брестская крепость?

— Да, казармы Сорок Четвёртого стрелкового полка, у Волынского укрепления. Вы нами уже второй день командуете, товарищ лейтенант. А тут немцы гаубицами стали бить, и вашу сторону засыпало, с пятью бойцами. Вон ещё троих откопали, один вроде живой.

— Не помню.

— Как же, товарищ лейтенант. Вы вечером в субботу прибыли в полк, двадцать первого. Из пехотного училища, первое назначение. А командиров в штабе нет, мне велели вас устроить в казарме. В общежитии для командиров места не было, командировочные заняли. Я тут в казармах у помдежурного вас и устроил. Не помните?

— Плохо. Как прибыл в крепость, помню, а остальное — как стена.

— Вот беда-то.

— Так, отнесите к стене у окна, вот туда, в угол, я подумаю. Потом, как откопаете остальных, соберёшь людей рядом. Буду ставить задачу. Действуйте, старшина.

— Есть, — козырнул тот.

Старшина уже забинтовал мне голову, другие раны трогать не стал. Одежда хоть как-то сдерживала кровь, а вот на голове текла. Так что меня переложили и дали возможность подумать. То, что из крепости нужно валить, сомнений не вызывало, вот и обдумывал, как это сделать.

У меня один из попаданцев тоже в крепости воевал, правда, успел до того, как её блокировали, свалить. Потом дважды героем стал, но позже, потеряв всё. Для меня же — поздно, сейчас крепость полностью окружена, но вроде одна идея есть.

Пока бойцы работали, я одной рукой, правой, отстегнул нагрудный карман френча, уже нащупал там что-то плотное и достал стопку документов. Ну, новенькое командирское удостоверение — это понятно, выдано в июне этого года, десятого числа. На имя Дмитрия Семёновича Павлова. Двадцать лет, получается, как раз в мае было. Комсомольский билет, проездные, дорожные и направление в Сорок Вторую стрелковую дивизию РККА. Про полк ничего нет. Меня точно в него назначали? Видимо, куда могли, туда и заселили.

Убрав документы на место (нужно будет сохранить), я с трудом загнул локоть за спину, перекатился на бок и, отстегнув клапан кобуры, достал пистолет ТТ. Смог откинуть магазин одной рукой, но было ясно, что он пуст — от пистолета воняло свежесгоревшим порохом. Запасной магазин в кармашке тоже пуст. За эти сутки Дмитрий расстрелял всё, что было. Фигово.

В это время бойцы обработали тех двоих, что вытащили из завалов, один тоже в сознании был, и понесли ко мне, очистив пол от битых кирпичей и мусора.

— Доклад. Кто что имеет. Боеприпасы, оружие, еда и вода. Раны и травмы. Старшина, ты первым, — приказал я.

Слушая бойцов, я поглядывал на раненых. У меня под командованием всего тринадцать бойцов получается.

Двое в тяжёлом состоянии. Ранены, лечить нечем, шансы выжить у них минимальные. Патронов практически нет, оружия тоже. На всех восемь винтовок и пистолет у меня. Один из снарядов попал в оружейку и вызвал пожар. Патроны долго в огне рвались. То, что есть, у соседей забрали, в завалах откопали, но патроны подошли к концу ещё сегодня утром. Когда очередную атаку отбивали. У одного бойца два патрона, и всё.

Да, из восьми винтовок семь наши, одна немецкая — карабин «Маузер», трофей. Впрочем, и к нему патронов не было. Ещё одного бойца заставил очистить участок пола, и тот рисовал карту крепости со всеми строениями, каналами и рекой. Он тут больше года служит, уже всё знал. Старшина иногда поправлял, но редко. А вот когда начали отмечать, где немцы, а где наши, уже до споров дошло. Изучив, где мы находимся, общее укрепление, какие вокруг, я сообщил:

— Значит так, я принял решение. Ночью будем прорываться из крепости, тут мы лишь бесславно погибнем.

— А как же держатся до последнего? Помощь ждать? Вы сами говорили, товарищ лейтенант, — спросил один молодой боец.

— Планы изменились, боец: похоже, наших мы не дождёмся, а погибать — глупо. Немцы нас блокировали, ждут, когда ослабнем, чтобы легко взять в плен или уничтожить, или когда сами сдадимся. Пока есть силы, стоит уходить. Поэтому приказываю выставить наблюдателей, чтобы нас врасплох не застали, менять каждые три часа, найти укрытие — и отбой до ночи. Силы терять нельзя. А вот чтобы прорваться, нужны горлохваты. Старшина, знаешь, кто умеет?

— А кто такие горлохваты?

— Специалисты по работе ножом, подбираются к врагу и уничтожают ножом. Главное, чтобы работали тихо и умели это делать ночью.

— Забавно назвали. Понял. Посты хотите вырезать и уйти? Хорошая задумка. Только нет у нас таких умель-

цев... Хм, рядом конвойный батальон НКВД, там старшина ротный мой знакомец. Хвастался, что есть у них такие умельцы. Они не только охраной и перевозкой задержанных занимаются, но и участвуют в прочёсывании лесов, захвате банд. Те у себя в казарме держат оборону. Рядом тут.

— Понял. Пошли к ним гонца. Пусть командир придёт и умельцев прихватит, я объясню, что нужно делать. Скорее всего, они с нами пойдут, так что будем взаимодействовать. До наступления ночи шесть часов, нужно успеть подготовиться. А я пока посплю, что-то мне плохо.

Обезвоживание, потеря крови, травмы — неудивительно, что меня вырубил. А очнулся я в другом месте. Похоже, подвал. Перенесли. Рядом старшина, около него новое лицо. Судя по кубарям, лейтенант из конвойного батальона. У них, кстати, звания, как у армейцев, поэтому если лейтенант — значит, лейтенант и кубари имеет.

Также чужих бойцов в подвале прибавилось. По петлицам — из конвойного, но были и армейцы. Всего около сорока бойцов в подвале. Кто спал, кто дежурил у проломов. В проломе стоял станковый пулемёт Максим без щитка. Даже отсюда вижу, что полная лента.

— Очнулся, наконец, — проворчал чужой лейтенант.

Тут старшина приподнял мою голову и дал напиток из фляжки. Всего два глотка, но насколько же живительными стали! Аж волна по телу прошла. Воду принесли конвойники, откуда взяли — не говорят, но спасибо им.

— О чём поговорить хотел? — сухо спросил лейтенант. — В общих чертах я знаю, суть сообщки. Только имей в виду, другие прорваться ночью пытались — кровью умылись. Пулемёты работают и ракеты взлетают, освещают всё как днём.

— Потому что действуют шаблонно, прорываются в сторону наших. Есть у тебя умельцы работать ножами и тихо подкрадываться?

— Есть. Трое. С собой привёл, как просили. Было пятеро, но...

— Позови их.

Дальше я лейтенанту Шаблину, старшине Овечкину и трём бойцам объяснил суть дела:

— Уходить нужно не в сторону наших. А через Буг, к немцам. На ту сторону границы. Вот уж где они нас не ждут. Там постов мало, есть наблюдатели и пулемётчики, вот их и нужно умельцам уничтожить. А то толпа пойдёт, шумят, ночь, не видно ничего, привлекут внимание, плеснут в реку. Умельцам нужно сделать косынки, из гимнастёрки платки. Называются армейские боевые банданы, похожи на женские платки. Сверху банданы, низ лица повязками закрыть. Кожа ночью бликует. Можно грязью измазать, но это на крайний случай. В воде её смоем.

— А это умно, — пробормотал Шаблин. — Нас там точно не ждут. Тихо переплываем — и уходим подальше от берега, там, заложив дугу, выходим к берегу подальше от крепости, где немцев нет. Они у переправ. И дальше, перебравшись на нашу сторону, уходим в тыл и соединяемся с нашими. План одобряю.

Дальше мы нарисовали новый план. Лейтенант знал, где у немцев пулемёты, посты, отметил их, а дальше прорабатывали саму операцию с прорывом. Оказалось, у того почти семьдесят активных штыков осталось, около пятнадцати ранены, но он, как и я, забирает всех.

Шаблин со своими ушёл, им ещё простреливаемые участки надо было проскочить. Я отдал несколько приказов старшине. Готовились и формировались группы, носильщики, которые раненых понесут. Бросать своих — это верная смерть, а тут шанс есть. Искали в казармах шинели, одеяла, на них и понесут раненых. Я просил себе гимнастёрку — принесли, старшина сам нарезал, сделал бандану. Мне и фуражку принесли, околышек треснут, мятая, но не страшно. Это моя, фамилия внутри написана.

Я так и не уснул, да и до начала операции несколько часов оставалось. Правда, пару штурмов выдержали, отбили благодаря пулемёту. Наше количество сократи-

лось, зато оружия трофейного добыли. А чуть позже начали прибывать бойцы с разных этажей казармы. Пошёл слух, что мы готовимся уйти на прорыв. Прибыло три десятка красноармейцев при двух младших командирах — а вот и носильщикам помощь.

Когда стемнело, двинули в сторону Буга, обходя пожарища, чтобы не подсветили. Первый пост, похоже, уже сняли, тут мы влились в колонну бойцов НКВД. Встали у стены какого-то здания. Ждали, когда сработают умельцы, почти три часа, пока сигнальный огонёк на той стороне реки не загорелся. Вошли в воду, поплыли.

Я тут сам плыл. Хоть напился от души. Да и шёл почти сам, боец один помогал, закинув мою руку себе на плечо. Прыгал, но шёл. Скрипел от боли зубами, три перелома, но звука не издал, хотя у некоторых стоны прорывались, только тихие. Бойцы сдерживали себя. Так и плыли. Как уже сказал, сам плыл. Фуражку я крепко насадил на голову, бинты прикрыл. Главное, под фуражкой документы сухие.

Когда забрались на кручу с той стороны, Шаблин командовал. Стали уходить от реки, как вдруг в стороне заработал миномёт, видимо, по заявке тех, кто окружал крепость. Ну или беспокоящий огонь по часам. У меня наручных часов не было, а время примерно часа два ночи. Батальонный работал, мы о нём и не знали. Я же подумал, как бы попросить у Шаблина добыть пленных, не вызывая удивления. Он хотел провести вырвавшихся из крепости бойцов и командиров тихо. А, чёрт, послал связного, и тот привёл лейтенанта, вот прямо и попросил Шаблина:

— Мне нужны пленные. Видишь, там командир расчёта фонариком грузовик подсветил? Мне нужен грузовик и пленные. Нужно взять всех живых, очень прошу. Потом отблагодарю. Немцев повязать — и в грузовик. Последний разгрузить. Немцев связать хорошо, не просто щиколотки и кисти, а и колени, и локти ещё. Используйте их форму на верёвки. Чем больше наберёте, тем

лучше. Меня в кабину грузовика. Есть идея, как добыть продовольствия. Я отъеду, а вы к реке. Там вас найду. Не переходите без меня. Если светать начнёт, тогда можно. Значит, у меня ничего не вышло и можно не ждать.

— Дима, ты уверен?

— Да.

Пришлось почти час подождать, но миномётчиков взяли. Просто навалились — и забили, наших больше было. Связали. Грузовик с минами разгрузили. Ровно двенадцать немцев в кузов закинули. Все живые. Оказалось, заминка была из-за того, что ещё трое на мотоцикле приехали. А так восемь в расчёте — водила грузовика и трое с мотоцикла, вот и набралось. Для меня просто отлично. Уже сапоги сняли, всё ценное, оружие. Наши и запасы продовольствия прибрали. Я велел на меня не оставлять.

Пить не хотелось, да тут все напились, пока плыли, у меня у самого живот вздулся. Как бы то ни было, меня усадили в грузовик. Сложно действовать одной рукой и одной ногой, но я смог запустить двигатель стартером, да тут и не сложно, тем более Шаблин подсветил трофейным фонариком. Включил я фары, выехал на тропинку и покатил прочь. Остальные уходили.

А вот зачем мне немцы, вскоре узнаете. Впрочем, скажу. А для призыва ментального демона и оплаты его услуг. А что вы думаете, демонология — это редкое и сложное искусство, изучал я её не так и долго, но вполне потяну основное. Сергей, кстати, о моём интересе к этому направлению не знал. Он далеко не всё о себе сообщал, скотина, и я тоже сильно не откровенничал. Хотя со стороны могло показаться по-другому.

Уехал я недалеко, куда мне в таком состоянии кататься? Выехал на дорогу, километра два проехал и свернул к рощице. Тут обнаружил пустую стоянку. Похоже, войска, что тут стояли, ушли на ту сторону реки.

Самое главное, тут был утрамбованный плац. Я как раз проехал между деревьями посадки, выехал к нему